

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371

EDN: GK BUTI

Научная статья / Research article

Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море

Д.В. Мосяков¹ , М.А. Шпаковская² , Т.И. Понька² ¹Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерацияmosyakov.d@gmail.com

Аннотация. Исследуются особенности военной дипломатии как инструмента внешней политики КНР, направленного на достижение цели «великого возрождения китайской нации». Особая роль при этом уделяется процессу концептуализации военной дипломатии во внешнеполитическом дискурсе КНР, что позволило авторам выявить задачи и формы данного средства осуществления внешней политики. Отмечается тесная связь военной дипломатии с обеспечением коренных интересов КНР. Важное место отводится региону Юго-Восточной Азии, где КНР имеет неразрешенные споры по морским правам и национальной юрисдикции островов и месторождений полезных ископаемых с рядом государств. Авторами оценивается эффективность военной дипломатии в двусторонних отношениях со странами региона. Теоретическим фундаментом работы выступает неореалистический подход, который позволяет оценивать военную дипломатию как комплекс несиловых мер, направленный на достижение национальных интересов. В заключении авторы приходят к выводу, что страновые и региональные приоритеты в военно-дипломатическом взаимодействии Китая, по-видимому, соответствуют приоритетам более широкой внешней политики Китая. Интенсивное использование военной дипломатии КНР в Южно-Китайском море демонстрирует наращивание Китаем лидерского потенциала на мировой арене и мироустроительных идей в сопредельных регионах.

Ключевые слова: военная дипломатия, внешняя политика КНР, Си Цзиньпин, великое возрождение китайской нации, Южно-Китайское море, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, АСЕАН, Вьетнам

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-514-92001/21 ВАОН «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 358—371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371>

Role of Military Diplomacy in the PRC's Foreign Policy in the South China Sea

Dmitry V. Mosyakov¹ , Marina A. Shpakovskaya² , Tatyana I. Ponka²

¹Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

mosyakov.d@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of military diplomacy as an instrument of China's foreign policy aimed at achieving the goal of the "great revival of the Chinese nation." A special role is given to the process of conceptualization of military diplomacy in the foreign policy discourse of the People's Republic of China (PRC), which allowed the authors to identify the tasks and forms of this means of implementing foreign policy. The close connection of military diplomacy with ensuring the fundamental interests of the People's Republic of China is noted. A special place is given to the region of Southeast Asia, where the PRC has unresolved disputes over maritime rights and national jurisdiction of offshore facilities and mineral deposits with several states. The authors assess the effectiveness of military diplomacy in bilateral relations with the countries of the region. The theoretical foundation of the work is the neorealist approach, which allows us to evaluate military diplomacy as a set of non-forceful measures aimed at achieving national interests. The authors conclude that the country and regional priorities in China's military-diplomatic cooperation seem to correspond to the priorities of China's broader foreign policy. The PRC's intensive use of military diplomacy in the South China Sea demonstrates China's growing leadership potential on the world stage and world-building ideas in neighboring regions.

Key words: military diplomacy, China's foreign policy, Xi Jinping, The great revival of the Chinese nation, South China Sea, ASEAN, Vietnam

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was funded by RFBR and VASS, project number 20-514-92001/21 "Russian-Vietnamese cooperation in the context of the current geopolitical situation in East Asia".

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Mosyakov, D. V., Shpakovskaya, M. A., & Ponka, T. I. (2023). Role of military diplomacy in the PRC's foreign policy in the South China Sea. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 358—371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371>

Введение

Приход к руководству КНР Си Цзиньпина в 2013 г. повлек за собой ряд крупных изменений во внутренней и внешней политике Китая. Отличительной чертой руководства Си Цзиньпина является идея «китайской мечты», которая переплетается с концепцией «великого возрождения китайской нации». В основе данной концепции лежат мироустроительные идеи, прежде всего в сопредельных регионах (Виноградов, 2021, с. 29). Устоявшимся нарративом в этом контексте выступает курс на реализацию концепции «сообщества единой судьбы», подразумевающей достижение общей и взаимовыгодной безопасности. Формулирование собственного подхода КНР к проблемам безопасности представляется

актуальным и своевременным в связи с обострением противоречий между КНР и США. Острота американо-китайского противоборства связана с проблемой транзита власти, то есть изменения конфигурации мирополитической системы под влиянием перераспределения комплексной мощи от США в сторону Китая (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 212). Этот процесс носит глобальный и системный характер, поэтому содержит потенциал для изменения самой системы международных отношений, что может негативно отразиться на региональной безопасности в стратегически значимом для Китая регионе.

Основным региональным внешнеполитическим приоритетом КНР на современном этапе развития государства выступает

контроль за 80 % акватории и островами в Южно-Китайском море (ЮКМ). Как подчеркивает российский китаист Е.Н. Грачиков, «оспариваемая Китаем морская зона составляет 3 млн кв. км» и включает более 230 островов, рифов и отмелей, суверенитет над которыми оспаривается пятью прибрежными государствами (Грачиков, 2015, с. 149, 151). Интерес КНР к ЮКМ обуславливается как экономическим, так и военно-стратегическим значением данного морского пространства, которое выступает мировой артерией морской торговли: 25—30 % всей мировой торговли, которая ведется по морю, проходит через него (Грачиков, 2015).

С военно-стратегической точки зрения через Южно-Китайское море проходит самый быстрый маршрут для переброски военноморских сил из Индийского в Тихий океан, что повышает его значимость как транзитного пространства для маневра сил любой страны, прежде всего США. Соответственно, потеря стратегического преимущества КНР в данной акватории чревата утратой регионального лидерства и осложнением перспектив реализации крупномасштабных экономических инициатив. Кроме того, стабильность в ЮКМ необходима для наращивания военноморской мощи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в целях защиты «коренных интересов» КНР.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о взаимодействии Китая со странами региона для выработки выгодного для себя правового режима в ЮКМ. Среди обширного внешнеполитического инструментария примечательным выглядит военная дипломатия, главным предназначением которой выступает минимизация негативного противодействия со стороны региональных стран от поступательного наращивания военноморской компоненты китайской армии (Грачиков, 2019). В связи с относительной новизной такого термина, как «военная дипломатия», следует отметить, что она предназначена для формирования бесконфликтной среды через дипломатическую активность, которая осуществляется армией.

Рассматриваемая проблематика частично нашла отражение в научных работах таких авторов, как К. Ле Мьер (Le Mièr, 2014), Э. Пайтинка (Pajtinka, 2016) и др. Одним из первых, поставивших проблему военной дипломатии КНР, стал коллектив авторов Университета национальной обороны США, состоящий из К. Аллена, Ф.С. Сондерса и Д. Чена (Allen, Saunders & Chen, 2017). Также данная тема изучается Х. Элмахли и Д. Сунь (Elmahly & Sun Degang, 2018), Ф. Сондерсом и Дж. Шайи (Saunders & Shyu, 2019), Т. Хитом (Heath, 2020) и др.

Проблема геополитических и стратегических интересов Китая в Юго-Восточной Азии (ЮВА), а также усиления международного влияния КНР нашла подробное освещение в научных трудах ряда отечественных ученых: В.Б. Кашина (2013), Е.В. Колдуновой (2019), Д. В. Мосякова (2019), Е.А. Канаева и М.А. Терских (2020) и др. Своя ниша изучения стратегии КНР на региональном и глобальном уровне сложилась на кафедре теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы (Грачиков, 2015; 2021; Понька, Бельченко, Трусова, 2017; Шпаковская, Куклин, Ву Тхуи Чанг, 2018; Дегтерев, 2020; Худайкулова, Рамич 2020; Мосяков, Шпаковская, 2020; Юньюшкина и др., 2020; Баланс сил в ключевых регионах мира..., 2021). Особенностью этой школы выступает междисциплинарный подход и широкое применение моделирования и ситуационного анализа.

Теоретическим фундаментом предлагаемой работы выступает неореалистический подход, который позволяет оценивать военную дипломатию как комплекс несилowych мер, направленных на достижение национальных интересов. Гипотезой исследования выступает утверждение, что военная дипломатия представляет собой оптимальный инструмент взаимодействия КНР с региональными странами для сохранения предсказуемой региональной среды в условиях курса на «возрождение китайской нации».

Концептуализация военной дипломатии во внешнеполитическом дискурсе КНР

Военная дипломатия (军事外交, *цзюньши вайцзяо*) Китая имеет прочные основания для выделения как отдельного инструмента внешнеполитической деятельности КНР. Ученые НОАК считают военную дипломатию необходимой частью стратегии, направленной на защиту национальных интересов, утверждая, что военные отношения могут служить основой планирования национальной стратегии и стимулировать национальное и военное строительство. Военной дипломатии как средству осуществления внешней политики приписывается множество функций. При этом исследователи проводят различия между функциями мирного, военного и кризисного времени. В мирное время военная дипломатия «поддерживает и развивает двусторонние отношения в области военной безопасности... обеспечивает основу для решения вопросов международной безопасности... формирует стратегическую обстановку в стране... обеспечивает поддержку усилению международного влияния страны и вооруженных сил страны... и способствует национальной обороне и военному строительству» (Yongzheng Chu, 2015, pp. 117—125). Применение военной дипломатии в кризисных ситуациях включает попытку управлять ими по мере необходимости.

Участие НОАК в военной дипломатии значительно возросло за последние три десятилетия в соответствии с растущим значением вопросов безопасности и национальной обороны во внешнеполитических приоритетах Китая. Исторически НОАК играла второстепенную роль во внешней политике Китая. Во многом это было обусловлено контекстом, в котором формировались приоритеты внешней политики до и после 1990-х гг. Китай до 1990-х гг. придерживался политики сокрытия сильных сторон и выжидания времени для наращивания потенциала (韬光养晦, *таогуан янхуэй*). Прежде всего Пекин стремился сохранить имидж, подчеркивающий мирный подъем Китая. Как утверждает Э. Хагт, «Министерство иностранных дел Китая было

доминирующим субъектом в этом внешнеполитическом подходе, ориентированном на развитие», а НОАК «приходилось ждать и набираться терпения» (Hagt, 2015, p. 219).

После холодной войны произошло изменение международной обстановки, что повлияло на глобальную стратегию Китая. Начался постепенный рост внимания китайского правительства к вопросам национальной обороны и безопасности, что также отразилось и на внешнеполитической роли НОАК. Как утверждают американские эксперты К. Аллен, Ф. Сондерс и Д. Чен, большая часть военной дипломатии Китая носит двусторонний характер, однако в настоящее время НОАК участвует и в ряде многосторонних форматов, включающих в себя учения и др. (Allen, Saunders & Chen, 2017, p. 21). Как инструмент внешней политики военная дипломатия проводится по принципу «сверху вниз» и подчиняется партийной и национальной внешнеполитической стратегии (Cai Penghong, 2016).

Впервые «военная дипломатия» как специфический инструмент внешней политики встречается в Белой книге КНР по национальной обороне 1998 г. В этом документе говорилось: «Военные контакты Китая с зарубежными странами подчинены задаче модернизации вооруженных сил и системы национальной безопасности в целом. Китай самостоятельно проводит внешние военные отношения и участвует в военных обменах и иных форматах военного сотрудничества, основанных на пяти принципах мирного сосуществования. В своих контактах с иностранными военными Китай всегда отстаивал принципы взаимного уважения, углубления взаимопонимания, развития дружбы, взаимной выгоды и сотрудничества. Вооруженные силы Китая активно участвуют в многосторонней военно-дипломатической деятельности, направленной на то, чтобы в полной мере реализовать позитивную роль вооруженных сил Китая в сфере международных дел»¹.

¹ 1998 Nian zhong guo de guo fang bai pi shu // Zhong hua ren min gong he guo guo shi wang [Белая книга по национальной обороне Китая 1998 г. // Национальная историческая сеть КНР]. 17.09.2009. (На китайском

С тех пор данный посыл сохраняется в концептуальных документах по национальной обороне, которые КНР регулярно публикует.

В 2015 г. в Белой книге «Военная стратегия КНР» говорилось, что, хотя общая внешняя обстановка в целом остается благоприятной, перед Китаем стоит «трудная задача по защите миссии национального объединения, территориальной целостности и интересов развития». В задачи НОАК входит обеспечение безопасности и интересов Китая в новых областях — как внутри страны, так и за рубежом, а также участие в региональном и международном сотрудничестве в области безопасности. В связи с увеличением значимости океанических пространств в китайской стратегии перед ВМС НОАК отдельно ставилась задача «участвовать в международном морском сотрудничестве, с тем чтобы обеспечить стратегическую поддержку для превращения страны в морскую державу»².

В 2015 г. на Конференции по военно-дипломатической работе и 16-й Рабочей конференции военных атташе Си Цзиньпин назвал несколько конкретных целей китайской военной дипломатии: поддержка общего внешнеполитического курса, защита национальной безопасности и продвижение военного строительства, защита суверенитета, безопасности и интересов Китая в области развития³. Он также отметил, что военная дипломатия должна соответствовать «правильному политическому направлению», а те, кто осуществляет военно-дипломатическую деятельность, должны «быть первопроходца-

языке). URL: http://hprc.cssn.cn/wxzl/zfbps/zhefbpp/200909/t20090917_3959028.html (accessed: 04.11.2021).

² 2015 Nian zhong guo guo fang bai pi shu “Zhong guo de jun shi zhan lue” // Zhongguo Ribao [Белая книга по национальной обороне Китая 2015 г. «Военная стратегия Китая» // Чайна дейли]. 26.05.2015. (На китайском языке). URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (accessed: 04.11.2021).

³ Xi Jinping: Jin yi bu kai chuang jun shi wai jiao xin ju mian // Renmin wang [Си Цзиньпин: Прогресс в создании новой ситуации в области военной дипломатии // Жэньминь жибао онлайн]. 29.01.2015. (На китайском языке). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0129/c64094-26474947.html> (accessed: 04.11.2021).

ми и внедрять инновации», «выстраивать прочную идеологическую линию обороны» и «совершенствовать методы и средства» военной деятельности⁴.

В Белой книге «Национальная оборона Китая в новую эпоху» от 2019 г. роль НОАК более отчетливо сместилась в сторону защиты зарубежных интересов Китая, под которыми понимается обеспечение стабильности энергопоставок, морской торговли и неприкосновенность китайских граждан и инвестиций⁵. Этот акцент не может быть отделен от приоритета Си Цзиньпина по обеспечению реализации инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Соответственно, средствами военной дипломатии руководство КНР намерено защищать и продвигать национальные интересы, особенно в сфере национальной безопасности.

Касательно целей военной дипломатии доцент кафедры стратегических исследований Национального университета обороны Китая Чэнь Чжисюн отмечает, что китайское военно-политическое руководство склонно рассматривать военную дипломатию как инструмент для достижения шести следующих целей:

- 1) формирование благоприятной международной стратегической среды посредством международных обменов и сотрудничества;
- 2) укрепление доверия и уменьшение подозрения относительно намерений КНР;
- 3) создание благоприятного международного имиджа путем участия в миротворческих операциях или операциях по оказанию гуманитарной помощи;
- 4) развитие армии и национальной обороны путем изучения передовой военной мысли, военных технологий и тактики посредством двусторонних обменов;

⁴ Ibid.

⁵ “Xin shi dai de zhong guo guo fang” bai pi shu quan wen // Zhong hua ren min gong he guo guo fang bu [Полный текст белой книги «Национальная оборона Китая в новую эпоху» // Министерство национальной обороны КНР]. 24.07.2019. (На китайском языке). URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/bps/4846424.html> (accessed: 04.11.2021).

5) расширение влияния за счет повышения доверия зарубежных партнеров к китайской национальной оборонной структуре, системе военного командования, вооружениям и технике китайского производства;

6) сдерживание потенциального противника путем демонстрации возможностей ВС КНР в ходе двусторонних военных обменов и совместных военных учений (Zhixiong Shen, 2018, pp. 103—104).

Среди основных форм военной дипломатии следует выделить встречи высшего военного руководства, совместные военные учения, заходы кораблей ВМС НОАК в морские порты и функциональные обмены.

Встречи на высшем уровне и участие в военных форумах с иностранными лидерами в области безопасности обеспечивают канал для сотрудничества между странами. Эта форма военной дипломатии служит важным средством урегулирования кризисов и помогает снизить риск просчетов во время военных операций (Pajtinka, 2016, p. 184).

Совместные военные учения являются одной из наиболее заметных форм военно-дипломатической деятельности. В них, как правило, задействованы вооруженные силы стран-участниц, выполняющие традиционные и нетрадиционные операции.

Заходы в морские порты предоставляют кораблям ВМС возможности для проведения целого ряда мероприятий, включая функциональное обслуживание, дипломатические обмены и гуманитарные операции в иностранных портах, и каждый из таких заходов может помочь укрепить дипломатические связи между странами (Nouwens, 2021, p. 6).

Функциональные обмены — это программы, обычно организуемые военными академиями или военными колледжами, которые расширяют диалог между иностранными военнослужащими, учеными и функциональным персоналом и их коллегами в принимающей стране. Эти программы создают возможности для совершенствования военных навыков, улучшения взаимодействия с партнерами по безопасности и развития будущих военных лидеров (Canrong Jin & Bo Wang, 2015, p. 21). Целесообразно отметить,

что все выработанные формы реализации военной дипломатии подчеркивают принципиально мирный и инклюзивный характер увеличения китайской военной мощи.

Таким образом, на данный момент в китайский внешнеполитический дискурс прочно вошло осмысление комплекса мероприятий, проводимого армией для укрепления двусторонних отношений Китая со странами в различных регионах. Функциональное значение военной дипломатии можно разложить в соответствии с нацеленностью решить две группы целей: стратегические и оперативные. Стратегические цели включают поддержку общей дипломатии КНР путем предоставления общественных благ и привлечения ключевых стран, а также формирование обстановки безопасности путем демонстрации или развертывания возможностей НОАК. Оперативные цели включают сбор разведанных об иностранных вооруженных силах и потенциальных районах операций, изучение новых навыков и тактики, методов и процедур, а также сравнение возможностей НОАК с другими армиями мира.

Учитывая, что защита китайской позиции в территориальных спорах является стратегической задачей китайской внешней политики, целесообразно изучить особенности военной дипломатии КНР в отношении со странами Юго-Восточной Азии.

Использование военной дипломатии в отношениях КНР со странами АСЕАН

Юго-Восточная Азия является основным региональным пространством для апробации средств и методов китайской военной дипломатии. Это подтверждают данные доклада «Китайская военная дипломатия, 2003—2016 гг.: тенденции и последствия» Института национальных стратегических исследований США, выпущенного в 2017 г. Согласно документу, военная дипломатия НОАК уделяет большое внимание Азии (41 %), при этом наибольший приоритет имеет Юго-Восточная Азия (22 %), за которой следуют Южная (9 %), Центральная (5 %) и Северо-Восточная Азия (4,8 %) (Allen, Saunders &

Chen, 2017). В этом докладе также объясняется, что растущее взаимодействие НОАК со странами Азии нельзя отделять от стратегии перебалансировки США в данном регионе, которая была запущена в 2011 г.⁶, и прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г. Первый фактор привел к усилению военно-стратегической напряженности в регионе, которая на настоящий момент протекает под знаменем Индо-Тихоокеанской стратегии⁷. Второй фактор, в свою очередь, повлиял на рост приоритетности направления развития отношений с близлежащими (или сопредельными) государствами в китайской внешней политике (Мокрецкий, 2015, с. 46).

Несомненно, значение военной дипломатии Китая растет по мере развития внешней политики Китая. Р. Гейдариан выделил три важнейших этапа внешней политики Китая в ЮВА.

Первый этап пришелся на эпоху Мао Цзэдуна, когда Китай был вовлечен в затяжную идеологическую войну в «окружающей среде», особенно в Юго-Восточной Азии. Местные коммунистические движения полагались на материальную и политическую поддержку Пекина на ранних этапах холодной войны. Соответственно, военные обмены стали основным инструментом военной дипломатии КНР в странах ЮВА (Heydarian, 2020, p. 34).

Второй этап начался после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и перехода к эпохе Дэн Сяопина. Новый лидер совершил дипломатические визиты высокого уровня в ключевые страны Юго-Восточной Азии, такие как Сингапур, Малайзия, Таиланд, а также в США.

⁶ См.: Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. October 11, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 17.11.2021); Opening Remarks by President Obama at APEC Session One // The White House. November 13, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/13/opening-remarks-president-obama-apec-session-one> (accessed: 17.11.2021).

⁷ National Security Strategy of the United States of America // WhiteHouse.gov. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 01.11.2022).

Затем Китай нормализовал отношения с западными странами, Японией и оставшимися государствами — членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которые ранее опасались китайской «красной» угрозы. Однако на этом этапе Китай стремился быть связанным с внешним миром лишь настолько, насколько это способствовало укреплению экономического развития страны. Поэтому, по словам Я. Масуда, Китай в то время продемонстрировал негативную реакцию на сотрудничество в области безопасности со странами Юго-Восточной Азии: «Китай с его традицией „горизонтальных связей“ предпочитал двустороннюю дипломатию с малыми странами». Примерно в 1992—1993 гг. КНР начала нацеливать все страны АСЕАН на двусторонний формат диалога (Matsuda, 2006, p. 26).

Третий этап был начат Цзян Цзэмином, который возглавил Китай в 1993 г. В начале 1990-х гг. произошли постепенные изменения в авторитарном режиме государства: политическая система Китая стала более диверсифицированной, а представители предпринимательских кругов постепенно входили в высшие эшелоны Коммунистической партии Китая (КПК). На этом этапе внутренняя индустриализация побудила Китай попытаться наладить отношения с другими странами, особенно теми, которые обладали необходимой для КНР ресурсной базой. Кроме того, этот период также ознаменовался миграцией миллионов граждан Китая (Heydarian, 2020, p. 36).

В результате произошедших изменений Китай начал предлагать собственную экономическую систему как потенциальную модель развития для постколониального мира и стал воспринимать себя как развивающуюся экономическую державу с глобальными интересами. Это потребовало внедрения военно-дипломатических инструментов во внешнеполитическую практику для того, чтобы обеспечить соблюдение китайских интересов. Так, начиная с 2001 г. постепенно растет частота участия министров обороны Китая в различных форматах военно-дипломатического сотрудничества, например в формате

Форума министров обороны стран АСЕАН (ASEAN Defence Minister's Meeting, ADMM), который получил название ADMM-Plus (Allen, Saunders & Chen, 2017, p. 54). Расширенный форум министров обороны стран — членов АСЕАН является платформой для АСЕАН и ее восьми партнеров по диалогу (Австралии, Индии, Китая, Японии, Новой Зеландии, Республики Корея, Российской Федерации и США) для укрепления сотрудничества в области безопасности и обороны в интересах мира, стабильности и развития в регионе. Эта платформа создана на основе высшего механизма консультаций и сотрудничества в области обороны в АСЕАН⁸.

Однако П. Цай подчеркивает, что «оборонная дипломатия», разработанная в рамках ADMM-Plus, находится в концептуальном конфликте с «военной дипломатией» Китая. Хотя военная дипломатия Китая продолжает свое развитие, ее можно определить как «достижение целей внешней политики под руководством национальной генеральной стратегии Китая посредством мирного использования военных ресурсов и возможностей для поддержания национальных интересов (как внутри страны, так и за рубежом), безопасности и развития». Между тем «оборонная дипломатия» — это «традиционная концепция безопасности, используемая в целях реальной политики укрепления западных союзников против общих врагов». Расхождение обеих концепций заключается в том, что с точки зрения Китая, представленной китайским дипломатом Цянь Цичэнем, в международных отношениях «любая деятельность вооруженных сил с целью координации дипломатических действий не может называться военной дипломатией» (Cai Penghong, 2016, p. 93).

При Си Цзиньпине, как указывалось ранее, Китай начал проявлять большую решимость защищать свои ключевые интересы, включающие суверенитет, территориальную

целостность и устойчивое социально-экономическое развитие. В докладе 19-го съезда КПК (2017 г.), который являлся руководством на следующие пять лет, подчеркивалась важность защиты этих интересов и суверенных прав Китая, а также необходимость не поддаваться внешнему давлению⁹.

Императивом развития ситуации в ЮКМ выступает несогласие с позицией китайской стороны относительно юрисдикции в данной акватории других региональных стран — Вьетнама, Малайзии, Филиппин и Брунея. Попытки урегулировать этот вопрос и договориться в международно-правовом и геополитическом форматах предпринимались странами АСЕАН не один десяток лет. Наиболее важным и одновременно показательным периодом с точки зрения способности стран «десятки» и КНР договориться между собой по проблеме ЮКМ были 1990-е гг. Настойчивость Филиппин и Вьетнама привела к инициированию разработки Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, идея которого была впервые озвучена в ходе 29-го совещания министров иностранных дел АСЕАН в июле 1996 г.¹⁰

После долгих дискуссий стороны договорились зафиксировать общие позиции, к которым им удалось прийти в результате дипломатических переговоров, в виде Декларации, о чем было официально заявлено в рамках 8-го саммита АСЕАН в Камбодже в ноябре 2002 г.¹¹ Однако принятый документ не

⁹ Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era // Xinhua. October 18, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (accessed: 04.11.2021).

¹⁰ 1996 Joint Communique of the 29th ASEAN Ministerial Meeting // Central of International Law of National University of Singapore. July 21, 1996. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/04/29th-ASEAN-Ministerial-Meeting.pdf> (accessed: 17.11.2021).

¹¹ 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea // Central of International Law of National University of Singapore. November 4, 2002. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/04/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea-1.pdf> (accessed: 17.11.2021).

⁸ About the ASEAN Defence Ministers' Meeting // ASEAN Defence Minister's Meeting. January 10, 2023. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/04/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea-1.pdf> (accessed: 02.10.2023).

стал реально работающим инструментом урегулирования территориальных споров между сторонами и по своей сути больше напоминает декларацию о намерениях (Королев, Стрельникова, 2021, с. 4).

Несмотря на существование данной декларации, Китай планомерно проводил в ЮКМ политику, сообразную со своим видением данного пространства. В частности, он осуществил масштабные проекты по мелиорации земель в Южно-Китайском море и созданию искусственных островов, а также по размещению в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) Вьетнама нефтяной платформы *Haiyang Shiyou-981* (Понька, Бельченко, Трусова, 2017, с. 525). Начиная с 2016 г. Китай направлял свои рыболовные суда и корабли береговой охраны в ИЭЗ Индонезии у группы островов Натуна¹². В апреле 2020 г. китайское исследовательское судно *Haiyang Dizhi 8* в сопровождении китайского судна береговой охраны вошло в ИЭЗ Малайзии и работало рядом с буровым судном по контракту с малайзийской государственной нефтяной компанией *Petronas*¹³.

В 2017 г. Китай опубликовал Белую книгу «Политика Китая в области сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», в которой большое внимание уделил военно-дипломатической компоненте сотрудничества со странами АСЕАН как средству продвижения региональной политики. При этом преимущественное внимание было сконцентрировано на форматах встреч высшего военного командования Китая и региональных стран¹⁴.

¹² Sulaiman Y. Why Indonesia Keeps Sending Mixed Signals on the Natuna Sea Dispute with China // The Conversation. January 13, 2020. URL: <https://theconversation.com/why-indonesia-keeps-sending-mixed-signals-on-the-natuna-sea-dispute-with-china-129562> (accessed: 17.11.2021).

¹³ Latiff R., Ananthalakshmi A. Malaysia Calls for Peaceful End to Months-long South China Sea Standoff // The Jakarta Post. April 23, 2020. URL: <https://www.thejakartapost.com/seasia/2020/04/23/malaysia-calls-for-peaceful-end-to-months-long-south-china-sea-standoff.html> (accessed: 17.11.2021).

¹⁴ “Zhong guo de ya tai an quan he zuo zheng ce” bai pi shu // Zhonghua renmin gongheguo guo wu yuan xin wen

В 2018 г. при согласовании Общего проекта Кодекса КНР и АСЕАН поставили цель закончить переговоры по принятию полноценного документа к 2021 г.¹⁵ Однако в связи с традиционными проблемами переговорного процесса, непрекращающимися кризисами в акватории ЮКМ и пандемии COVID-19 решение данного вопроса было перенесено на неопределенное время.

Если визуализировать частотность использования китайской военной дипломатии в двусторонних отношениях со странами АСЕАН, то следует операционализировать данный абстрактный инструмент через конкретные переменные: совместные учения, заходы в порты и встречи глав военных министерств (таблица). В качестве отправной точки можно взять 2002 г., когда была подписана Декларация о поведении сторон в ЮКМ.

Полученные данные нуждаются в качественном осмыслении и интерпретации.

Во-первых, визиты и встречи по-прежнему составляют подавляющее большинство (72,6 %) военно-дипломатических взаимодействий, при этом наметилось снижение этого показателя в общей структуре военно-дипломатических акций. В ходе последнего визита руководителя Министерства обороны Китая Вэй Фэнхэ в Малайзию, Индонезию и Бруней стороны подтвердили, что АСЕАН поддерживает готовность Китая

ban gong shi [Белая книга «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» // Центральное народное правительство КНР]. 11.01.2017. (На китайском языке). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2017-01/11/content_5158864.htm (accessed: 17.11.2021).

¹⁵ Wang Yi: “Nan hai xing wei zhun ze” dan yi cuo shang wen ben cao an xing cheng, zheng ming zhong guo yu dong meng guo jia you neng li da cheng gong tong zun shou de [de di] qu gui ze // Zhonghua renmin gongheguo guo wu yuan xin wen ban gong shi [Ван И. Формирование единого текста проекта «Кодекса поведения в Южно-Китайском море» доказывает, что Китай и страны АСЕАН способны выработать региональные правила, которые они совместно соблюдают // Центральное народное правительство КНР]. 02.08.2018. (На китайском языке). URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-08/02/content_5311360.htm (accessed: 17.11.2021).

разрешать споры в Южно-Китайском море посредством диалога¹⁶.

Во-вторых, количество военных учений резко возросло с тех пор, как Си Цзиньпин пришел к власти.

Количественные показатели интенсивности военно-дипломатической активности КНР со странами ЮВА в 2002—2021 гг.

Страна	Учения	Заходы в порты	Встречи глав военных министерств	Итого
Бруней	4	2	14	20
Вьетнам	7	5	61	73
Индонезия	17	6	34	57
Камбоджа	5	3	35	43
Лаос	2	1*	37	39
Малайзия	11	7	38	56
Мьянма	3	5	36	44
Сингапур	10	9	37	56
Таиланд	26	10	59	95
Филиппины	3	6	22	31
Всего	88	53	373	514

* — Лаос — континентальная страна, не имеющая выхода к морю. Однако в августе 2017 г. жителям этой страны была оказана медицинская помощь госпитальным судном ВМС НОАК «Ковчег мира» (*Peace Ark*), которое пришвартовалось в порту Камбоджи¹⁷.

Источник: составлено авторами на основе: (Allen, Saunders, & Chen, 2017, pp. 62—66); How is China Bolstering its Military Diplomatic Relations? // China Power Project. October 27, 2017. URL: <https://chinapower.csis.org/china-military-diplomacy/#toc-1> (accessed: 17.11.2021); Jun shi xing dong // Zhong hua ren min gong he guo guo fang bu [Военные действия // Министерство национальной обороны КНР]. (На китайском языке). URL: http://www.mod.gov.cn/action/node_46960.htm (accessed: 04.11.2021).

В-третьих, с течением времени количество заходов в морские порты увеличилось, при этом в основном их осуществляют

целевые группы сопровождения, выполняющие свою деятельность в Аденском заливе. Они совершают дипломатические визиты в данные страны, пополняя при этом запасы для четырехмесячного оперативного патрулирования. При этом заходы в порты, не связанные с эскортными операциями, в подавляющем большинстве состоят из дружественных визитов.

Следует также отметить, что НОАК имеет надежные программы академического и функционального обмена с различными региональными странами, хотя подробная информация об этом формате отсутствует. Вместе с тем эксперты Сямэньского университета отмечают, что важными элементами военных обменов выступают сотрудничество между Китаем и АСЕАН в области нетрадиционной безопасности и диалог по проблеме Южно-Китайского моря¹⁸.

Комплексные военно-дипломатические усилия Китая по наращиванию сотрудничества со странами АСЕАН позволяют данной стране сохранять позитивную тональность при своей проактивной политике в регионе. Активное использование инструмента военной дипломатии дает Китаю возможность выступать гарантом всеобщей безопасности и на практике демонстрировать свою волю и свой подход к воплощению концепции «сообщества единой судьбы».

Отдельно необходимо подчеркнуть роль военной дипломатии в отношениях КНР и Вьетнама. Вьетнам желает обсуждать проблему Южно-Китайского моря в рамках диалога между АСЕАН и Китаем и в то же время поддерживает диалог с Китаем усилиями партии, правительства и военных. Используя эти каналы, особенно дипломатический, Вьетнам часто проводит двусторонние диалоги по морским вопросам, включая проблему Южно-Китайского моря. В июне 2013 г.

¹⁶ Zhong guo yu dong meng guo jia fa zhan jun shi lian xi // Souhu [Китай и страны АСЕАН развивают военные связи // Соху]. 14.09.2020. (На китайском языке). URL: https://www.sohu.com/a/418393900_626761 (accessed: 17.11.2021).

¹⁷ How is China Bolstering its Military Diplomatic Relations? // China Power Project. October 27, 2017. URL: <https://chinapower.csis.org/china-military-diplomacy/#toc-1> (accessed: 17.11.2021).

¹⁸ Zhong guo yu dong meng jun shi wai jiao: xian zhuang, qian jing ji lu jing // Nanyang wen ti yan jiu [Военная дипломатия между Китаем и АСЕАН: статус-кво, перспективы и траектория // Вопросы Юго-Восточной Азии]. 08.10.2018. (На китайском языке). URL: <http://www.yidianzixun.com/m/article/0KD4h3vK> (accessed: 17.11.2021).

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонг посетил Китай, что привело к подписанию двустороннего соглашения «Об основных принципах урегулирования морских вопросов». В соответствии с документом две страны будут решать морские вопросы в соответствии со следующими принципами:

— страны расширят свое общее понимание в соответствии с правовыми принципами, включая Конвенцию по морскому праву 1982 г., и историей;

— страны будут урегулировать свои морские споры путем консультаций и дружественных средств в соответствии с принципами и духом Декларации 2002 г.;

— страны договорились проводить регулярные пограничные консультации два раза в год и, при необходимости, внеочередные консультации, а также создать горячую линию для оперативного решения морских вопросов¹⁹.

Для реализации вектора, заданного двумя странами, используются и инструменты военной дипломатии, например визиты патрульных катеров ВМС Вьетнама и проведение совместного патрулирования Тонкинско-го залива с ВМС НОАК. Сообщая об этом, газета «Народная армия» опубликовала комментарий китайских политиков о том, что эта деятельность «должна способствовать поддержанию спокойствия и стабилизации региона»²⁰.

¹⁹ Thỏa thuận về những nguyên tắc cơ bản chỉ đạo giải quyết vấn đề trên biển giữa nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam và nước Cộng hòa Nhân dân Trung Hoa // Nhân dân [Соглашение об основных принципах решения проблем на море между социалистической республикой Вьетнам и Китайской Народной Республикой // Нян зан]. 19.06.2013. (На вьетнамском языке). URL: <https://nhandan.vn/theo-dong-thoi-su/thoa-thuan-ve-nhung-nguyen-tac-co-ban-chi-dao-giai-quyet-van-de-tren-bien-giua-nuoc-cong-hoa-xa-hoi-chu-nghia-viet-nam-va-nuoc-cong-hoa-nhan-dan-trung-hoa-178255/> (accessed: 17.11.2021).

²⁰ Yêu cầu các nước liên quan tôn trọng chủ quyền, quyền chủ quyền, quyền tài phán của Việt Nam ở Biển Đông // Quân đội nhân dân [Попросите заинтересованные страны уважать суверенитет, права и юрисдикцию Вьетнама в Восточном море // Народная армия]. 29.01.2021. (На вьетнамском языке). URL: [https://www.qdnd.vn/chinh-tri/tin-tuc/yeu-cau-cac-nuoc-](https://www.qdnd.vn/chinh-tri/tin-tuc/yeu-cau-cac-nuoc)

Сотрудничество между ВС стран также поддерживается в формате стратегического диалога на уровне заместителей министров обороны КНР и Вьетнама. Вьетнам считает, что проблема Южно-Китайского моря будет надлежащим образом урегулирована, если две страны продолжают вести диалог и достигнут консенсуса. Взаимодействие в рамках стратегического диалога по обороне сохраняется даже в условиях роста напряженности в Южно-Китайском море. В его функции входит предоставление Китаю разъяснений относительно деятельности Вьетнамской народной армии, особенно ее сотрудничества в области безопасности с США. Заместители министра обороны посещают Китай сразу после совместных военных учений Вьетнама и США, где встречаются со своими коллегами — заместителями начальника Объединенного штаба Центрального военного совета НОАК.

Официальная позиция Социалистической Республики Вьетнам заключается в том, что военные обмены Вьетнама с США не связаны с проблемой Южно-Китайского моря и китайско-вьетнамскими отношениями. Вьетнам неукоснительно следует «политике трех нет» (*Ba “Khong”*): никаких союзов с какой-либо страной; никаких военных баз какой-либо страны на территории Вьетнама; никаких просьб к третьим странам вмешаться в противостояние Вьетнама с другими странами (Shoji, 2016, p. 54).

Снижению опасений по поводу роста китайского могущества в регионе и построению конструктивных двусторонних отношений также служит тесная кооперация сил пограничной обороны Китая и Вьетнама. На данном этапе отношений, по мнению заместителя начальника штаба Сил пограничной обороны Вьетнама генерал-майора Ли Вэньцана, трансграничные нетрадиционные вызовы безопасности выдвигают требования для углубленного, широкого и эффективного сотрудничества между пограничниками двух стран²¹.

[lien-quan-ton-trong-chu-quyen-quyen-chu-quyen-quyen-tai-phan-cua-viet-nam-o-bien-dong-650530](https://www.qdnd.vn/chinh-tri/tin-tuc/lien-quan-ton-trong-chu-quyen-quyen-chu-quyen-quyen-tai-phan-cua-viet-nam-o-bien-dong-650530) (accessed: 17.11.2021).

²¹ Yue nan jun fang: jiang jia qiang yu zhong guo bian fang he zuo da ji kua jing fan zui // Renmin wang

Военная дипломатия при руководстве Си Цзиньпина и курсе на «возрождение китайской нации» выступает ключевым инструментом для достижения дипломатических целей в условиях количественного увеличения и качественной модернизации китайской армии. Данное изменение во внешней политике КНР привело к двум серьезным последствиям для политики КНР в регионе ЮВА.

Во-первых, это обусловило рост уверенности, особенно в Южно-Китайском море, которое рассматривается как коренной национальный интерес. В то время как растущая самоуверенность вызвала непростые отношения между Китаем и некоторыми странами АСЕАН, военная дипломатия Китая, которая придерживается иного подхода к АСЕАН, способствовала «продолжающимся переговорам без прогресса» по спору в Южно-Китайском море.

Во-вторых, укрепление Китаем военной дипломатии с соседними странами можно рассматривать как показатель наращивания Китаем лидерского потенциала на мировой арене, расширения международной ответственности и изучения возможностей формирования китаецентричных сегментов мира. Поэтому до сих пор Китай намеренно поддерживает различные уровни двусторонней военной дипломатии с несколькими государствами — членами АСЕАН.

Заключение

Проведенный анализ показывает согласованные усилия КНР по использованию НОАК для достижения различных целей, с особым акцентом на поддержку китайского

[Военные Вьетнама будут укреплять пограничное сотрудничество с Китаем для борьбы с трансграничной преступностью // Жэньминь жибао онлайн]. 11.02.2015. (На китайском языке). URL: <http://military.people.com.cn/n/2015/0211/c172467-26545659.html> (accessed: 17.11.2021).

внешнеполитического курса, а также формирование обстановки безопасности и обеспечение китайских зарубежных интересов.

Страновые и региональные приоритеты в военно-дипломатическом взаимодействии Китая, по-видимому, тесно связаны с приоритетами внешней политики Китая в более широком смысле. Это включает в себя акцент на построение стратегических отношений со странами ЮВА и сопредельными странами, такими как Вьетнам. Анализ военных отношений НОАК с 2002 по 2021 г. подтверждает, что Китай интенсивно использует инструмент военной дипломатии для формирования более предсказуемой обстановки в стратегически значимом регионе. Например, большинство заходов в порты, не связанные с операциями в Аденском заливе, являются дружественными посещениями портов, что подчеркивает попытки Китая успокоить соседей, обеспечить его военно-морской мощью и непреклонной позицией по территориальной юрисдикции.

В целом концепция «великого возрождения китайской нации», в соответствии с которой военная дипломатия приобрела значение ключевого инструмента для достижения внешнеполитических целей КНР, демонстрирует наращивание Китаем лидерского потенциала на мировой арене, расширение международной ответственности и изучение возможностей формирования китаецентричных сегментов мира, прежде всего в сопредельных регионах. Ввиду повышения рисков для основных интересов, к которым относится проблема ЮКМ, Китай перешел к собственным стратегическим инициативам на региональном уровне, имеющим мироустроительный потенциал. Для устранения алармизма среди региональных игроков и продвижения выгодного для себя режима в данном морском пространстве Китай задействует военную дипломатию.

Поступила в редакцию / Received: 12.02.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 04.07.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ / под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Никулина, М. С. Рамича. Москва : РУДН, 2021.
- Виноградов А. В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 3. С. 23—32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-23-32>
- Грачилов Е. Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. Москва : Русайнс, 2015.
- Грачилов Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. Москва : Аспект Пресс, 2021.
- Грачилов Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993—2018) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 3. С. 83—93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>
- Дегтерев Д. А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. Москва : Русайнс, 2020.
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 2. С. 210—231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
- Канаев Е. А., Терских М. А. Перспективы вьетнамско-китайских отношений и «Цифровой Шелковый путь» в Юго-Восточной Азии // *Вьетнамские исследования*. 2020. Т. 4, № 4. С. 5—15. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2020-10029>
- Кашин В. Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949—2014 гг. // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 4. С. 106—129.
- Колдунова Е. В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10, № 4. С. 52—64. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10041>
- Королев А. С., Стрельникова И. А. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта : аналитический бюллетень // Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. 2021. С. 1—17. URL: <https://cceis.hse.ru/data/2021/07/14/1419227800/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%AE%D0%9A%D0%9C.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).
- Мокрецкий А. Ч. Основные направления китайской дипломатии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 1. С. 44—59.
- Мосяков Д. В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. Москва : Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН, 2019.
- Мосяков Д. В., Шпаковская М. А. Вьетнам между США и Китаем // *Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение* / отв. ред. Е. А. Канаев. СПб. : Алетей, 2020. С. 60—67.
- Понька Т. И., Бельченко А. С., Трусова А. А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17, № 3. С. 518—529. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529>
- Худайкулова А. В., Рамич М. С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 23—43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03>
- Шпаковская М. А., Ку克林 Н. С., Ву Тхуи Чанг. Вьетнам в реализации концепции большого евразийского партнерства // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. Т. 1, № 2. С. 136—145.
- Юношкина А. С., Шаповалова К. А., Кудакеев Р. Ф., Понька Т. И. Позиции Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе // *Международные отношения*. 2020. № 2. С. 34—54. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2020.2.33069>
- Allen K. W., Saunders P. C., Chen J. Chinese Military Diplomacy, 2003—2016: Trends and Implications // *China Strategic Perspectives*. 2017. No. 11. P. 1—96. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/Article/1249864/chinese-military-diplomacy-20032016-trends-and-implications/> (accessed: 04.03.2022).
- Cai Penghong. ASEAN's Defense Diplomacy and China's Military Diplomacy // *Asia Policy*. 2016. No. 22. P. 89—95. <https://doi.org/10.1353/asp.2016.0039>

- Canrong Jin, Bo Wang.* You guan zhong guo te se jun shi wai jiao de li lun si kao // Tai ping yang xue bao [Теория военной дипломатии с китайской спецификой // Тихоокеанские исследования]. 2015. No. 5. P. 14—27. (На китайском языке).
- Elmahly H., Sun Degang.* China's Military Diplomacy towards Arab Countries in Africa's Peace and Security: The Case of Djibouti // *Contemporary Arab Affairs*. 2018. Vol. 11, no. 4. P. 111—134. <https://doi.org/10.1525/caa.2018.114006>
- Hagt E.* The Rise of PLA Diplomacy // *PLA Influence on China's National Security Policymaking* / ed. by P. C. Saunders, A. Scobell. Redwood City: Stanford University Press, 2015. P. 218—246. <https://doi.org/10.1515/9780804796286-010>
- Heath T. R.* Winning Friends and Influencing People: Naval Diplomacy with Chinese Characteristics // *CMSI China Maritime Report*. 2020. No. 8. P. 1—22. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cmsi-maritime-reports/8/> (accessed: 04.03.2022).
- Heydarian R. J.* The Indo-Pacific: Trump, China, and the New Struggle for Global Mastery. Palgrave Macmillan, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-9799-8>
- Le Mière C.* Maritime Diplomacy in the 21st Century: Drivers and Challenges. London: Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9780203555590>
- Matsuda Y.* An Essay on China's Military Diplomacy: Examination of Intentions in Foreign Strategy // *NIDS Security Reports*. 2006. No. 7. P. 1—40. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/bulletin_e2006_2_Matsuda.pdf (accessed: 04.03.2022).
- Nouwens M.* The Evolving Nature of China's Military Diplomacy: From Visits to Vaccines // *The International Institute for Strategic Studies*. 2021. P. 1—16. URL: <https://www.iiss.org/blogs/research-paper/2021/05/china-military-diplomacy> (accessed: 04.03.2022).
- Pajtinka E.* Military Diplomacy and Its Present Functions // *Security Dimensions. International and National Studies*. 2016. No. 20. P. 179—194.
- Saunders P. C., Shyy J.* China's Military Diplomacy // *China's Global Influence: Perspectives and Recommendations* / ed. by S. D. McDonald, M. C. Burgoyne. Honolulu: Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, 2019. P. 207—227. URL: <https://dkiapcss.edu/wp-content/uploads/2019/10/13-Chinas-Military-Diplomacy-Saunders-Shyy-rev.pdf> (accessed: 04.03.2022).
- Shoji T.* Vietnam's Omnidirectional Military Diplomacy: Focusing on the South China Sea // *NIDS Journal of Defense and Security*. 2016. No. 17. P. 41—61. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/2016/bulletin_e2016_4.pdf (accessed: 04.03.2022).
- Yongzheng Chu.* Jun shi wai jiao xue [Военная дипломатия]. Beijing: NDU Press, 2015. (На китайском языке).
- Zhixiong Shen.* On China's Military Diplomacy in Africa // *China and Africa: Building Peace and Security Cooperation on the Continent* / ed. by C. Alden, A. Alao, Z. Chun, L. Barber et al. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 101—122. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52893-9_6

Сведения об авторах: *Мосяков Дмитрий Валентинович* — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН; ORCID: 0000-0003-2701-3533; e-mail: mosyakov.d@gmail.com

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Понька Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4944-115X; e-mail: ponka-rudn@mail.ru